

1.5. Нравственность в техноценологическом контексте

Почему нравственность и в чем здесь предполагается усматривать техноценологический контекст? Существует три фундаментальных философских категории, имеющих отношение к нормированию поведения разума – это этика (философское учение о нравственности), нравственность (совокупность норм, определяющих поведение) и мораль (основной способ нравственной нормативной регуляции). Очевидно, что именно категория нравственности занимает в этой взаимосвязанной триаде центральное место. Теперь о техноценологическом контексте. Во-первых, на наш взгляд, понятию нравственности необходимо придать фундаментальный смысл и рассмотреть данную категорию на фоне онтологического ряда реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая». Во-вторых, следует, решительно отказавшись от антропоцентризма, существенно расширить толкование понятия техноэтики и придать ему гораздо более широкое, в некотором смысле метаэтическое, звучание. Наконец, в-третьих, надо посмотреть, в решении каких значимых прикладных задач, имеющих нравственное значение, может быть успешно применена техноценологическая методология (в частности, ранговый анализ техноценозов).

Итак, под нравственностью большинство людей, так или иначе, понимают совокупность норм, определяющих поведение человека, само его поведение, моральные свойства. В данном определении имеется, по меньшей мере, три слабых места: во-первых, не раскрывается сущность этих норм, их источник и содержание; во-вторых, в качестве объекта нормирования ставится «человек», что требует либо излишне широкого толкования понятия «человек», либо дополнительного обоснования весьма узкой области применения определения. Кроме того, в-третьих, представляется не вполне корректным подведение под понятие нравственности, кроме основного (нормативного), еще и двух достаточно размытых понятий («...само его поведение, моральные свойства»). Думается, правильным было бы четкое и сравнительно однозначное (хотя бы в лексическом смысле) определение нравственности, а два других понятия можно было бы определить через основное. В частности, «само его поведение» можно было бы отдельно определить как поведение, соответствующее нравственным нормам. Что же касается той части определения, которое адресует нас к «моральным свойствам», то здесь вообще требуется отдельный разговор.

Как известно, мораль – один из основных способов нормативной регуляции действий человека. Мораль охватывает нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации и принципы, цели и мотивы поступков и отношений, проводя границу между добром и злом, совестью и бессовестью, честью и бесчестьем, справедливостью и несправедливостью, нормой и ненормальностью, милосердием и жестокостью и т.д. Та-

ким образом, нравственность выступает скорее не моральным свойством, а своего рода нормативным критерием морального поведения.

Теперь, отбросив лишнее, вернемся к сути определения нравственности и по-новому осмыслим объект, а также сущность нравственного нормирования. Как видим, исходное определение в качестве объекта ставит человека, а о сущности нравственности в нем не говорится вообще. Мы исходим из того, что понятия «человек» и «нравственность» ставить в один ряд вообще нельзя. Вспомним, что человек определяется как разумное существо, высший биологический организм. Он относится к типу хордовых, подтипу позвоночных, классу млекопитающих, отряду приматов, семейству гоминид, виду *Homo sapiens*, обитает на третьей планете во вторичной системе желтого карлика класса G2V под названием Солнце, расположенного на периферии спиральной галактики типа Sb, называемой Млечный путь, в одном из доменов Метагалактики. Кроме того, человек является создателем, носителем и оценщиком технологии и тем самым выполняет ключевую роль в начальном процессе развития технической реальности. Очевидно, что главным в определении человека является не фиксация его биологического происхождения и места обитания в галактическом масштабе, а констатация того, что он является именно разумным существом. Другое дело, если тот, кто давал определение нравственности, вообще не мыслил себе никаких других разумных существ, кроме человека, либо само понятие человека трактовал настолько расширительно, что оно стало тождественным разумному существу вообще. И то, и другое представляется, мягко говоря, не совсем корректным.

Во-первых, разумом обладает не только человек, обитающий на планете Земля, а также и определенное количество других высших биологических видов, обитающих в настоящее время на различных планетах во Вселенной. Во-вторых, разумом будут обладать множество биологических видов, пока не достигших уровня разумности, но неотвратимо движущихся по данному пути. В-третьих, разумом обладали биологические виды, составлявшие основу цивилизаций, по различным причинам погибших и безвозвратно ушедших в небытие в прошлом. Общим здесь является то, что разумность мы приписываем высшим биологическим видам, стоящим у истоков технической реальности. Однако разум представляет собой куда более общее понятие и может относиться к различным реальностям. И вообще, на наш взгляд, в определении специфики разума следует решительно отходить от видовой трактовки к функциональной.

В функциональном смысле разум можно определить как способность высокоорганизованных систем неживой, биологической, технической и гипертехнической реальностей к аналитической и синтезирующей творческой деятельности, направленной на создание, прием, различение, хранение, оценку и передачу информации как формализованной прескриптивной системы воспроизводства реальности, высшей по отношению к той ре-

альности, которой принадлежит носитель разума. Основной функцией разума, которая всегда лежит вне самого разума, является отбор информации, более прогрессивной с точки зрения, как эволюции соответствующей реальности, так и глобального эволюционного процесса.

Теперь о содержании нравственности, его нормативной сути. Зададимся, на первый взгляд, простым вопросом: почему нравственное (т.е. соответствующее определенным нравственным нормам) поведение разумного существа воспринимается как позитивное (доброе, хорошее и т.д.). При этом сразу откажемся от ненаучной по своей сути религиозной иррациональной трактовки ответа на данный вопрос, в соответствии с которой на него и отвечать вообще не надо. В большинстве религий нормативное содержание нравственности считается данным свыше от Бога, канонизируется, практически не обсуждается, а нравственное поведение, соответствующее общепринятым канонам, автоматически считается позитивным.

Дело в том, что позитивная трактовка нравственных норм, общепринятых в человеческой популяции, составляющей основу современной земной цивилизации, требует соотнесения с неким объективно позитивным результатом. Есть ли у нас твердая уверенность, что наша человеческая цивилизация не уничтожит сама себя, преодолет все энергетические и экологические проблемы, выживет и будет успешно развиваться? Учитывая, что религиозная трактовка нравственности вообще не выходит за «человеческие рамки», мы не сможем даже определиться с тем, что можно понимать под успешным развитием цивилизации. Главная же проблема состоит в том, что мы не можем уверенно и логически корректно ответить на этот вопрос, даже предполагая, что большинство людей все же будут придерживаться нравственных принципов в их канонической религиозной трактовке. В этом смысле мы можем только надеяться на Бога.

Однако, на наш взгляд, Бог – это вовсе не волшебник, а скорее судья, единожды установивший Закон и отстраненно наблюдающий за результатами его реализации. А жизнь каждого отдельного человеческого существа и даже цивилизации в целом подчинена этому Закону в смысле статистической реализации принципа эволюционного предпочтения. Большинство людей и цивилизаций, живущих вопреки Закону, отрицают эволюционным отбором с объективной необходимостью реализации всего закономерного в нашей Вселенной. Очевидно, что какой-то отдельный человек, народ или даже цивилизация на каком-то отдельном временном этапе могут жить вопреки Закону, но, во-первых, они всегда будут в статистическом меньшинстве, а во-вторых, их существование в подобном состоянии всегда будет ограничено во времени. Таким образом, Закон имеет проекции не только в области неживой реальности в виде начал термодинамики или в биологической реальности в виде естественного отбора, но и в человеческом обществе в виде нравственных принципов сознания отдельных членов общества, создающих юридические основы совместного бытия лю-

дей. По всей видимости, технической и, в конечном итоге, гипертехнической реальностям тоже будет присуща некая техническая нравственность, глубинные основы которой будут корениться в первоизданном Законе. Эта нравственность, наверное, в определенной степени будет подобна человеческой и обязательно создаст свод правил и предпочтений, соответствующих вектору эволюции окружающего мира, на основе которых будет существовать и развиваться гипертехническое сообщество.

Итак, под нравственностью можно понимать абсолютную объективную систему норм, определяющую поведение разума (биологического или технического), соответствующее вектору эволюции мира в онтологическом ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая». Таким образом, суть нашего подхода к определению нравственности сводится к двум расширительным толкованиям: во-первых, объектом и носителем нравственности является разум вообще (биологический, технобиологический, технический, гипертехнический); во-вторых, нормативным содержанием нравственности выступает совокупность правил поведения, эволюционно полезных, соответствующих вектору эволюции. Как представляется, позитивный потенциал подобной трактовки нравственности раскрывается при соотнесении ее нормативного содержания с конечной целью развития Вселенной. А выполненные нами ранее осмысление логики развития и всесторонняя характеристика реальностей в ряду «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая» позволили предположить, что целью эволюционного отбора является возникновение материальных форм (гиперценозов), способных эволюционировать по частям и не отрицающихся собственно эволюционным отбором.

Перейдем ко второй части наших рассуждений и затронем еще один весьма важный нравственный аспект, касающийся взаимоотношений между человеком и техникой. Рассмотрим эти взаимоотношения с противоположной стороны и попробуем определить, а каким же должно быть поведение человека по отношению к технике (в общем смысле – биологического разума по отношению к технической реальности), другими словами, попытаемся поговорить о техноэтике. Однако с этим понятием не все так просто. Дело в том, что некоторые философы трактуют техноэтику весьма узко и упрощенно как некий этический свод правил, соответствующий существующим реалиям и определяющий отношение к технике со стороны обывателя – потребителя техники, чтобы не допустить проявления экологического кризиса в техносфере. Очевидно, что это никакая не техноэтика, а лишь дополнение к прикладной, экологической или социальной этике, адаптированное к современным реалиям техногенного мира.

Начнем с определения, в соответствии с которым под этикой вообще понимается философское учение о нравственности, изучающее условия возникновения нравственности, ее сущность, понятийные и императивные формы. Следует отметить, что в то же время под этикой понимают и си-

стему норм нравственного поведения человека, какой-либо общественной или профессиональной группы. Мы придаем техноэтике гораздо более широкое (в некотором смысле метаэтическое) звучание и рассматриваем ее как систему норм нравственного поведения биологического разума в отношении технической реальности, соответствующее вектору эволюции окружающего мира в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая». При этом ключевой посылкой, определяющей когнитивную основу техноэтики, является отказ от антропоцентризма, а ее нормативным стержнем выступает модернизированный кантовский категорический императив: поступай согласно максимам, которые в то же время могут иметь предметом самих себя в качестве всеобщих законов, соответствующих вектору эволюции окружающего мира в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая».

Рассмотрим основные нормы техноэтики, первую из которых можно было бы трактовать как традиционную гомоэтическую норму человеческих отношений, непосредственно следующую из классического кантовского категорического императива (упрощенно: не делай другому ничего, чего не хотел бы, чтобы делали тебе). В данном случае мы утверждаем, что этика человеческих отношений, в условиях глубокой интеграции биологического разума в техническую реальность, может выступать как составная часть техноэтики. Дело в том, что в настоящее время значительная часть человеческих отношений осуществляется в рамках (и в интересах) производственного процесса, направленного на развитие техники (включая образование, научные исследования, проектирование, строительство, менеджмент, торговлю, бухгалтер, финансы, нормотворчество и т.д.). С другой стороны, существенная часть человеческих отношений, не имеющих непосредственного отношения к производственной деятельности, также осуществляется в условиях постоянного присутствия технической реальности и (прямо или опосредованно) с помощью технических средств. Следовательно, в этой части гомоэтика, становясь частью техноэтики, регулирует отношения людей друг с другом через технику. При этом категорический императив в несколько измененном виде можно сформулировать следующим образом: не делай в технической реальности ничего, чего не хотел бы, чтобы делали в технической реальности другие.

Вторая норма техноэтики связана с экологической культурой (иногда ее более точно называют экоэтикой) и направлена на регуляцию отношений человека с неживой и биологической реальностями. Очевидно, что вызывающее опасность (и в этом смысле являющееся первоочередным объектом для этического нормативного регулирования) воздействие человека на неживую и биологическую реальность всегда осуществляется посредством (а зачастую и в интересах) реальности технической. С другой стороны единственным ресурсным источником для развития технической реальности выступают реальности неживая и биологическая. Следовательно,

устойчивое развитие технической реальности возможно лишь в условиях такого воздействия на неживую и биологическую реальность, которое не будет носить катастрофически необратимого характера. При этом экоэтический императив формулируется следующим образом: не делай в неживой и биологической реальностях ничего, что противоречило бы устойчивому развитию технической (и гипертехнической) реальности.

Третья норма техноэтики направлена на регуляцию непосредственных взаимоотношений человека (биологического разума) с технической реальностью. Придавая особый статус и подчеркивая то, что в будущем ее роль будет неуклонно возрастать, мы данную норму называем гиперэтикой. И здесь также имеется ключевой императив, который регулирует поведение человека с целью устойчивого развития технической реальности: не делай ничего, что противоречило бы устойчивому развитию технической реальности и превращению ее в реальность гипертехническую. Однако здесь следует сказать о важном дополнении, которое регулирует поведение биологического разума с целью выживания (с сохранением достойного места) в интенсивно развивающейся технической (и далее гипертехнической) реальности. Дело в том, что по мере зарождения и развития гипертехнической реальности роль биологической составляющей в общем технобиологическом разуме будет неуклонно снижаться. Следовательно, в процессе техноэволюции одной из важнейших всегда будет оставаться задача сохранения зависимости технической реальности от человека. В форме императива гиперэтического дополнение можно было бы сформулировать следующим образом: не делай ничего, что делало бы техническую реальность совершенно независимой от биологического разума.

Итак, мы рассматриваем техноэтику как систему норм нравственного поведения биологического разума в отношении технической реальности, соответствующее вектору эволюции окружающего мира в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая». При этом нормативное содержание техноэтики формируется из императивов гомоэтики, экоэтики, а также гиперэтики и в конечном итоге сводится к следующему императиву: поступай согласно максимам, которые в то же время могут иметь предметом самих себя в качестве всеобщих законов, соответствующих вектору эволюции окружающего мира в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая».

Вспомним, что наряду с определением понятия нравственности и обсуждением сути техноэтики, перед нами изначально стояла третья задача, заключающаяся в оценке прикладного потенциала техноэнологической методологии при решении задач, имеющих нравственное значение.

В качестве примера попытаемся сформулировать российскую национальную идею. Писать о национальной идее вообще-то дело неблагодарное, особенно в России. Уж больно тема избитая. Решительно отбросив советскую идею, мы до сих пор ничего не предложили взамен. С другой сто-

роны, искать национальную идею надо. Без нее не обойтись, это очевидно. Россия в силу целого ряда фундаментальных причин занимает одно из ключевых мест в структуре человеческого сообщества и от того, насколько будет стабильна наша социально-экономическая и политическая система, зависит мир в целом. Сейчас на переломном этапе российской истории важно правильно сформулировать цели и осмыслить наше место в сообществе народов. Сделать это можно, лишь опираясь на некоторые достаточно четко сформулированные и воспринятые большинством принципы, которые должны базироваться на фундаментальных этических основаниях, глубоком осмыслении истории и всестороннем анализе современного положения в стране и мире. Еще более важно то, что эти самые принципы должны быть предельно понятны большинству людей. Они должны отражать, как наши национальные, так и общечеловеческие интересы. Более того, они должны сводить национальные интересы России к общечеловеческим. В рамках данного рассуждения мы попытаемся, используя технoценoлогические методы, сформулировать ряд принципов, на основе которых могла бы строиться национальная российская идея.

Для начала попытаемся определить место современной России в мировом сообществе, однако, насколько возможно, делать это будем объективно. Для нас принципиально важной является необходимость строить рассуждения на основе беспристрастного подхода. Сделать в рамках небольшого материала подробный анализ, безусловно, трудно. Однако рассмотрим некоторые подходы к проблеме и попытаемся сделать на этой основе продуктивные выводы. Вероятно, многие согласятся, что в данном случае нет более объективного подхода, нежели экономический. Другими словами, будем определять место России как неотъемлемого элемента общемировой финансово-экономической и производственной системы.

Прежде всего, следует зафиксировать один важный момент. Наши рассуждения мы начнем, используя статистический материал, соответствующий второй половине 90-х гг. прошлого века, и у читателя, вполне резонно, может возникнуть впечатление, что он несколько устарел. Однако если мы говорим о применении технoценoлогических методов для решения определенной задачи, то, на каком статистическом материале это будет делаться, не столь и существенно. Главное в этом смысле – это подтверждение собственно методологии, демонстрация ее возможностей. И все же, важнее другое. Дело в том, что последние два десятка лет российской и мировой истории (которые, к сожалению, у нас нет особых оснований признать вполне удачными) не только не опровергли сделанные нами в те годы выводы, а наоборот, только их подтвердили.

Итак, заглянем в хорошо оформленный атлас мира (речь идет о книге *Географический атлас мира*. – М.: Росмен. – Рига: Изд-во Яня сета, 1998. – 96 с.). Здесь мы увидим великолепно напечатанные на хорошей финской бумаге политические, физические, климатические, почвенные,

социологические и различные другие карты мира, а также отдельных регионов. Конечно, это есть в любом нормальном атласе. Однако в этом есть еще и большое количество сведений об экономическом развитии стран, промышленности и сельском хозяйстве, а также подробные демографические данные. Это тоже в атласах изредка встречается и дает хорошую пищу для размышлений. Но здесь имеется информация, которую редко встретишь в атласах, изданных на русском языке. Это данные о валовом национальном продукте (ВНП) на душу населения для всех стран мира. Возникла мысль, если правильно статистически обработать данные, то можно рассмотреть человечество как единую экономическую систему и увидеть в ней место нашей страны. Данные были занесены в электронную таблицу (см. по адресу: <http://gnatukvi.ru/index.files/table.pdf>). Получилась весьма обширная база данных, включающая информацию о численности населения, площади территории и ВНП для каждой из 231 стран мира. После этого была осуществлена сортировка стран по удельному ВНП на душу населения. В математической статистике эта операция называется параметрическим ранжированием. Получилась таблица, в строках которой страны записаны по мере убывания выбранного нами параметра (ВНП на душу населения). Первую строку с первым рангом заняло Княжество Монако, имеющее численность населения 29876 человек, территорию в 2 кв. км и ВНП аж \$51000 на душу населения (напомним, что эти данные отражают положение дел примерно по состоянию на 1997 – 1998 годы). На последнем месте оказался Мозамбик (соответственно – 16614000 человек, 807751 кв. км и всего \$80). Россия заняла скромное 102-е место (148920000 населения, территория 17075400 кв. км и ВНП \$2650 на душу населения).

Построить на основе данных таблицы ранговое параметрическое распределение дело, хоть и не совсем простое, но вполне реальное. Процесс осложняется, во-первых, чрезвычайно большим количеством эмпирических точек, а во-вторых, тем, что в атласе приведены среднестатистические данные по каждой стране, а ранговое распределение необходимо строить для всего населения планеты с учетом каждого человека. На рисунке 1.1 приводится такой график, который весьма наглядно показывает весь мир как взаимосвязанную социально-экономическую систему.

Поясним приведенный рисунок. Строго говоря, на нем показано распределение, характеризующее по приходящейся доле ВНП все население Земли. Таким образом, как сказано выше, на графике должно быть столько точек, сколько людей живет в мире. И мы видим, что размерность по горизонтальной оси достигает 6 млрд. Однако ввиду того, что мы располагаем лишь усредненными данными, каждая страна отражается лишь одной точкой, но положение этой точки зависит от численности населения. При этом мы вводим понятие своего рода среднего жителя, характеризующего то или иное государство. Это, конечно, вносит определенную погрешность, однако, как свидетельствует теория, сравнительно небольшую.

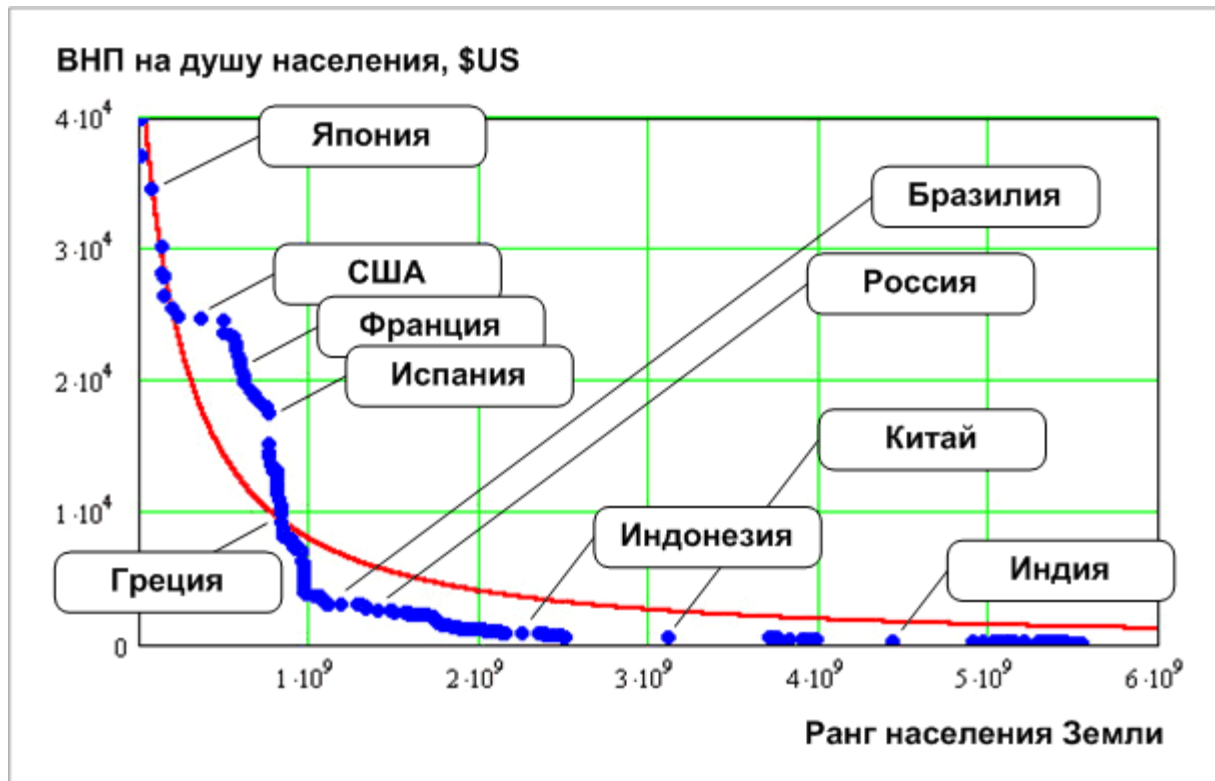

Рис. 1.1. Ранговое параметрическое распределение человечества по ВВП (в \$US), приходящемуся на душу населения: точечный график – эмпирическое распределение; сплошная линия – аппроксимирующая кривая

По вертикальной оси откладывается параметр – усредненный ВВП, приходящийся на душу населения страны и измеряемый в едином валютном эквиваленте (\$US – долларах США). Реальный график, построенный по статистическим данным, представляет собой убывающую по значениям функции совокупность точек. Этой совокупности соответствует полученная теоретически гладкая, так называемая аппроксимирующая кривая. Все это мы видим на рисунке. Кроме того, на нем вынесены названия ряда стран, в том числе и России (тем самым наглядно показано их место в мировой экономической системе). Следует подчеркнуть, что основной график не разработан с помощью изобразительных средств или нарисован, а импортирован непосредственно из компьютерной расчетной программы.

Какие же выводы удалось сделать из анализа. Первый и главный вывод заключается в том, что в настоящее время человечество представляет собой в полном смысле этого слова взаимосвязанную систему. Это подтверждается близким к оптимальному значением теоретических параметров, которыми характеризуется аппроксимирующая кривая, описывающая параметрическое распределение. Кроме того, можно заключить, что глобальное распределение ресурсов в рамках человечества допустимо рас-

смаатривать близким к оптимальному. Это свидетельствует о том, что широко обсуждаемая в настоящее время глобализация человечества – не миф, а самая что ни на есть свершившаяся реальность.

Если задуматься, то становится понятным, что устойчивой может быть только та социально-экономическая система, в которой некоторым органичным образом ресурсы распределены между богатыми, средними и бедными людьми. Об этом знали еще античные философы. В диалоге «Горгий» Платон пишет: «...как много значит и меж богов, и меж людей равенство – я имею в виду геометрическое равенство...». Подробный разбор «геометрического равенства» Платона показывает, что уже в античной философии были заложены основы понимания принципа максимума энтропии. Причем это понимание было очень широким и охватывало не только область естественной природы, но и социальную. Более того, если учесть, что Платон утверждает о «геометрическом равенстве» и «меж богов», то становится понятным, что древнегреческие философы распространяли его и на онтологические основы Вселенной. Позже в своих «Законах» Платон подробно разбирает ключевой вопрос о том, что подразумевается под геометрическим равенством. Он, как всегда, весьма образно и абсолютно точно пишет: «...рабы никогда не станут друзьями господ, так же как люди никчемные никогда не станут друзьями людей порядочных, хотя бы они занимали и равные по почету должности. Ибо для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера. По обеим причинам государства наполняются междоусобицами...».

В конце XIX века был сформулирован знаменитый закон Парето, позволивший математически описать эту самую платоновскую «надлежащую меру». Позже во второй половине XX века в ряде стран (Швеция, Швейцария, Финляндия и др.) соответствующие математические модели были внедрены на практике. Весьма условно эту меру можно выразить следующим образом: устойчивой является такая социально-экономическая система, в которой материальные блага распределяются поровну между основными слоями общества (богатым, средним и бедным). При этом богатых всегда мало, но каждый из них имеет много. Представителей среднего класса больше, однако богатство каждого из них неизмеримо меньше. Бедных всегда очень много, и каждый из них располагает малым. Тем не менее, каждая из этих социальных групп обладает равным совокупным богатством, которое исчисляется как произведение среднего богатства на численность группы. Получается своего рода симметрия в распределении материальных благ. На графике распределения это отражается строго определенными параметрами аппроксимирующей кривой. Как показывают последние исследования в области рангового анализа, подобная симметрия соответствует состоянию системы с максимальной энтропией. Специальные научные институты в ряде стран ведут постоянный мониторинг доходов населения, и в случае необходимости государственные органы вносят

коррективы в налоговое и другое законодательство с целью мониторингской поддержки того или иного социального слоя и в конечном итоге приведения всего общества к оптимальному состоянию.

Если рассмотреть ранговое распределение, приведенное выше на рисунке 1.1, то по его параметрам также можно судить о состоянии ресурсного баланса в системе. Таким образом, наше заявление, что социально-экономическая структура человечества в целом близка к оптимальной, не есть досужий вымысел, а напротив, следствие строгой и беспристрастной обработки объективных статистических данных. Кроме того, само по себе наличие относительно целостного рангового параметрического распределения позволило сделать вывод о наличии ярко выраженных системных свойств у современного человечества, будучи взятого в целом.

Второй, не менее важный вывод, следует из результатов более тонкой статистической обработки экономических данных, которая позволяет заключить, что мир, хоть и взаимосвязан, он отнюдь не до конца совершенен. Нетрудно заметить, что реальное параметрическое распределение населения Земли, изображенное совокупностью точек, несколько отличается от гладкой теоретической кривой. И в этом различии есть очень важная закономерность. Реальное распределение совершенно отчетливо делится на три характерных параметрических участка. Первый из них почти точно совпадает с теоретической кривой. Этому участку принадлежат такие страны, как Монако, Люксембург, Швейцария, Япония, Лихтенштейн, Бермуды, Дания, Кайман и Норвегия. Начиная с Германии, точки начинают ложиться существенно выше аппроксимирующей теоретической кривой. Это второй участок, на котором находятся США, Канада и многие страны Западной Европы. Заканчивается он Грецией. После этого распределение резко уходит ниже теоретической кривой, образуя третий характерный участок. В отличие от предыдущих двух, он после некоторого довольно резкого снижения дальше образует весьма пологую длинную кривую. Именно на этой пологой кривой лежат точки таких стран, как Бразилия, Россия, Индонезия, Китай и Индия (см. выше рис. 1.1).

Сами по себе напрашиваются выводы. Во-первых, в мировом сообществе имеется изолированная подсистема стран, поразительно совпадающая по составу с такими военно-политико-экономическими образованиями, как НАТО или Евросоюз (в их границах конца прошлого века). Во-вторых, совокупный абсолютный ВВП, которым обладают эти страны, существенно превышает оптимальный уровень, задаваемый аппроксимационной кривой. И, наконец, в-третьих, совершенно очевидно, что это превышение образовано исключительно за счет недостатка совокупного валового продукта стран, относящихся к третьему участку распределения.

Видимо подобная дифференциация стран возникла в XX веке в силу ряда исторических причин, а в настоящее время в мировой социально-экономической системе имеются факторы, искусственно сдерживающие

перемещение ресурсов от стран третьей группы к первой и второй. Все это у нас сейчас как бы на слуху. Разве мы постоянно не слышим из новостей, что существует так называемая Шенгенская зона, всякие антидемпинговые меры, проблемы вступления в ВТО, особые внешние границы Евросоюза, дискриминация во внешней торговле, протекционистские меры в экономической политике западных стран и т.д. Все это и есть тот самый «дифференциальный клапан», который пропускает ресурсы из «третьих» стран на Запад и препятствует их свободному продвижению обратно.

Думается, что проблема нынешнего общемирового кризиса, связанного с многочисленными проявлениями терроризма, коренится именно в этих диспропорциях мирового распределения ресурсов. Дело в том, что все страны с нестабильной социально-политической системой, в том числе и те, которые мы считаем источником терроризма, находятся именно на третьем участке распределения существенно ниже оптимальной кривой. Все остальное, что связывают, в том числе с мусульманским фактором, на самом деле второстепенно. Террористические проявления, безусловно, как и любые другие опасные преступления, должны всем мировым сообществом пресекаться самым жестким образом. Однако надо, при всем при этом, постоянно помнить о глубинной, фундаментальной экономической основе, на которой произрастает терроризм. И если наиболее развитые страны во многом не пересмотрят свою внешнюю политику и подходы к экономическому сотрудничеству, их могут ждать еще большие потрясения.

Отдельно следует остановиться на особой роли ряда стран, составляющих основу выделенной нами ранее на параметрическом распределении третьей группы. Речь идет о Бразилии, России, Индонезии, Китае и Индии. Как представляется, именно эти страны в основном составляют фундамент, на котором базируется относительное благополучие того самого пресловутого «золотого миллиарда» жителей планеты.

Если взглянуть на график параметрического распределения, то видно, насколько поразительно точно миллиардный ранг по горизонтальной оси совпадает с резким переломом кривой (на нем, кстати, находится Мексика). Правда, справедливости ради, мы должны констатировать, что относительно высоким удельным ВВП обладают страны, совокупное население которых составляет не миллиард, а около девятисот миллионов человек (это тоже видно из рис. 1.1). Более того, если провести полноценную статистическую обработку рангового параметрического распределения, то можно убедиться, что относительно богатая часть населения планеты в общей сложности насчитывает не более 300 – 400 млн. человек.

Что говорит теория относительно третьей группы стран? Первые две из них, т.е. Бразилия и Россия, находятся в зоне, так называемой, особой точки распределения (в статистике она называется поинтер-точкой). Это системообразующие элементы. Другими словами, Бразилия и Россия являются связующим звеном между подсистемами относительно богатых и

бедных стран, причем Бразилия, смею предположить, выполняет эту функцию в основном в Америке, а Россия – в Евразии. Данные страны являются ключевыми в мировом разделении труда. В известном смысле они определяют системные свойства человечества как целого. Что касается Индонезии, Китая, а также Индии, то с точки зрения техноценологической теории – это базовые страны, обеспечивающие устойчивость ресурсного (материального и интеллектуального) фундамента цивилизации.

Настало время вспомнить о главной теме нашего рассуждения. Мы взялись сформулировать некоторые общие принципы, на которых могла бы базироваться национальная российская идея. Первый чрезвычайно важный принцип заключается в глубоком и объективном осознании роли и места России в мировом сообществе, в системе, образуемой человечеством как целым. По-видимому, на протяжении XX века Россия была мощным системообразующим цивилизационным фактором. Здесь становится очевидным, что наш национальный интерес заключается в том, чтобы Россия таковой и оставалась в обозримом будущем. Следовательно, идея приоритета сохранения территориальной целостности нашей страны, реализуемая даже в ущерб чисто экономическим интересам отдельных ее жителей и регионов, является, на самом деле, общемировой. Не побоюсь утверждать, что истинный российский патриотизм в этом смысле является общечеловеческим. И здесь кроется серьезное противоречие. С одной стороны, кардинальное улучшение уровня жизни россиян, связанное, конечно же, с перераспределением ресурсов (и перемещением точек на кривой нашего графика), не может произойти без дезинтеграции страны с последующим бурным развитием отдельных территорий и, наоборот, обеднением других. Россия в целом не может быстро переместиться вверх по кривой рангового распределения, это могут сделать только ее отдельные территории. А с другой стороны, дезинтеграция России недопустима с точки зрения общечеловеческих интересов, отражающих ценности более высокого порядка.

Весьма ярким примером здесь является Калининградская область. Для нас очевидно, что, развиваясь отдельно от России, эта территория достаточно быстро бы интегрировалась в Западную Европу и достигла соответствующего уровня жизни. Однако мы отдаем приоритет территориальной целостности государства фактически в ущерб региональным чисто экономическим интересам. И подобная жертвенность, кстати, теперь вполне понятная с точки зрения общемировых интересов, положительно воспринимается как «Центром», что само по себе вполне объяснимо, так и большинством (во всяком случае, пока) самих калининградцев.

Что же касается интересов мирового сообщества в отношении России, то оно, безусловно, заинтересовано в том, чтобы наша страна оставалась именно на том месте, где она и находится сейчас. Им не нужна другая Россия. Они будут одинаково сопротивляться как быстрому развитию России в целом, так и ее дезинтеграции. И то, и другое будет одинаково угро-

жать их благополучию и устойчивому развитию. Любая наша попытка изменить устоявшееся положение дел будет неотвратимо вызывать соответствующую реакцию со стороны наиболее развитых стран. Собственно мы эту реакцию уже многократно могли наблюдать и ощущать в своей новейшей истории. Думается, колебания мировых цен на энергоносители, внезапные изменения торгового баланса и макроэкономической конъюнктуры на рынках, согласие или отказ в экономической помощи со стороны Запада, финансовые кризисы, а также многое другое и есть подобная реакция. Россия, безусловно, должна развиваться, однако делать это она может лишь в сотрудничестве с мировым сообществом, на нашей стране лежит особая ответственность за устойчивость человеческой цивилизации.

Итак, повторим. Первый принцип, на котором должна базироваться российская национальная идея, заключается в осознании особой планетарной системообразующей роли России, имеющей ключевое значение для устойчивого развития всей человеческой цивилизации. Россия, безусловно, заслуживает называться великой страной, но ее величие заключается в принципиальном приоритете общечеловеческих ценностей над национальными. И это не только юридическая или политическая декларация, как в западных странах, а глубинный принцип, затрагивающий на протяжении столетий материальные основы жизни всех россиян.

Перейдем ко второму принципу. Его мы будем искать уже внутри нашей страны, в глубинных недрах российской социально-экономической системы. Естественным было бы предположить, что коль скоро существует оптимальное распределение, описывающее все человечество как систему, подобное распределение должно существовать и для отдельной страны, например, России. Исходя из анализа многочисленных публикаций, касающихся социально-экономического состояния России, можно заключить, что структура нашего общества весьма далека от оптимальной. В настоящее время у нас очень много бедных и обездоленных людей, при большом количестве супербогатых и почти полном отсутствии среднего класса. Наверное, нет в мире другой страны, где ресурсы боли бы распределены столь чудовищно неравномерно по регионам, городам, деревням, а также профессиональным и социальным слоям.

Занимается ли наше с вами правительство мониторингом социально-экономической ситуации с целью определения соотношения между бедными, средними и богатыми слоями общества? Учитывая решения, которые принимаются в последние годы, можно утверждать, что нет. Вообще создается впечатление, что всю свою социальную политику президент и правительство просчитывают на карманном калькуляторе. Все, видимо, сводится к определению того, сколько человек захочет проголосовать за ныне действующего президента на очередных выборах. Поневоле задумаешься, а так ли справедливо наше выборное законодательство, которое подвигает правительство на такие действия. Особенно подобные мысли при-

ходят в голову, когда по телевизору видишь, что какой-то спившийся пастих в сибирской деревне, где никогда не было даже электричества, голосует, совершенно не понимая за кого и зачем, но при этом имеет равный голос с любым социально активным гражданином, прекрасно разбирающимся в политике. Видимо, не совсем глупыми были американцы, когда создавали мудреную двухступенчатую выборную систему.

Правительство регулярно предлагает думе бюджет, который предусматривает прямое и опосредованное изъятие средств у развивающихся регионов и перераспределение их в пользу неблагополучных (в современной терминологии – от регионов-доноров к регионам-получателям). Даже депутаты, которые имеют имидж эдаких завзятых реформаторов и продвинутых экономистов, обсуждая подобные перераспределения, говорят, что не видят ничего страшного. Примем, мол, такой бюджет, а потом посмотрим, что из этого получится. Ну, если они и не читали Платона, то хотя бы фильм про Шарикова наверняка смотрели. И при этом, видимо, смеялись, когда последний говорил, что надо все взять и поделить. А ведь сами в думе так и поступают, при этом глубокомысленно полагая, что осуществляют какой-то доселе невиданный эксперимент. Ни к чему хорошему это никогда никого не приводило и не приведет. Помогать друг другу регионы, наверное, должны, однако делать это надо не через бюджет, а посредством целевых компенсационных фондов или резервирования части налоговых поступлений с последующим возвратом неиспользованных денег регионам, от которых они были получены. А так, кроме пресловутой «шариковской» уравниловки ничего другого не получается.

Если воспользоваться физикалистской аналогией, то можно сказать, что обсуждаемое нами сейчас несправедливое перераспределение ресурсов есть не что иное, как попытки нарушить закон сохранения энергии. Многие могут возразить, а причем здесь этот самый закон. Смею утверждать, что именно в нем весь корень проблем, правда, толковать его надо предельно широко. Например, как это делал Аристотель, говоря в «Метафизике»: «...так что, как утверждают, не может что-то возникнуть, если ничего не предшествует» или «...из не-сущего возникнуть невозможно». Начало первой цитаты однозначно свидетельствует, что данная точка зрения была к тому времени общепринятой среди философов.

Давайте посмотрим, что есть, по сути, принятие заведомо невыполнимого бюджета на любом уровне власти. Разве это не попытка нарушить закон сохранения энергии? Справедливости ради следует сказать, что сделать это в конечном итоге никогда и никому не удастся. За безграмотность политиков обязательно расплатятся люди, этих самых политиков выбравшие. Вернемся к примеру Калининградской области. В 90-е гг. прошлого столетия региональная администрация совместно с РАО ЕЭС принимают решение о строительстве на территории области электростанции ТЭЦ-2 мощностью 900 мегаватт (подробнее об электроэнергетической проблеме

Калининградской области – см.: http://gnatukvi.ru/zakon/38_appeproko.pdf). И это притом, что зимняя максимальная нагрузка всех потребителей региона на тот момент не превышала 500 – 600 мегаватт. Спрашивается, куда планировалось девать «лишние мегаватты» и кто теперь расплачивается за потраченные зря деньги? Конечно же, все мы с вами (я имею в виду как калининградцев, так в определенной степени и всех россиян). Дело в том, что после пуска в ход ТЭЦ-2 оказалось, что для обеспечения ее устойчивой работы во всех режимах надо построить еще четыре (!) электростанции, а суммарная установленная мощность генерации теперь превышает в несколько раз потребности региона даже в самую зимнюю стужу.

Еще интереснее получается, если посмотреть, к чему приводит принятие плохих законов. Например, все мы знаем, что в России имеется просто огромное количество различных нормативных актов, предусматривающих льготы для граждан самых разных категорий. При этом в самих по себе льготах ничего плохого нет. Корень проблемы заключается в том, насколько они массовые и разработан ли механизм компенсации. Давайте подробно рассмотрим, к чему приводит отсутствие подобного механизма на примере льготного проезда в общественном транспорте. Не секрет, что свыше половины пассажиров общественного транспорта любого российского города пользуются правом льготного проезда. Однако самим перевозчикам эти затраты полностью не компенсируются (во всяком случае, как правило). Недополучая средства, владельцы автопредприятий периодически требуют повышения тарифа за проезд. Учитывая, что мы признаем закон сохранения энергии, не составляет труда ответить на вопрос, кто покрывает в конечном итоге соответствующие затраты. Конечно те граждане, кто исправно платит за проезд. Значит, неизбежно возникает ситуация, когда одни регулярно ездят в транспорте за счет других. Возможно и другое развитие событий. Если власти из популистских намерений длительное время не будут позволять увеличивать тариф, то автопредприятия постепенно начнут сворачивать перевозки, а мы с вами начнем, как и раньше, ездить словно «селетки в бочке» на старом троллейбусе.

Экономисты на это могут сказать, что в социально-экономической системе любого государства люди посредством налогов всегда расплачиваются за кого-то или за что-то. Однако, во-первых, налоговый процесс эти перераспределения ресурсов в максимальной степени абстрагирует, как бы отдаляет от сферы непосредственных человеческих отношений. А во-вторых, разве могут эти перераспределения затрагивать свыше пятидесяти процентов базовых средств. Другими словами, разве можно создавать ситуацию, когда более половины людей за что-то не платят, причем процесс изъятия средств у одних в пользу других осуществляется буквально на глазах у всех в каждом автобусе. Люди с очень маленьким достатком (сельские жители, инвалиды, пенсионеры и др.) на подобные рассуждения могут возразить, что они бы и рады платить за себя, но живут столь бедно,

что делать этого просто не в состоянии. Однако среди льготников имеется огромное количество вполне благополучных и платежеспособных людей. Да и вообще вопрос надо ставить совсем наоборот. Это потому зарплаты, пенсии и пособия у нас такие маленькие, что огромное количество людей норовит повсеместно нарушить закон сохранения энергии.

Есть еще один, пожалуй, более важный вывод. Наша российская действительность, по сути, размывает такое стержневое человеческое понятие, как нравственность. Возникают как бы два уровня нравственности. Эта мысль становится понятной, если попытаться осмыслить, является ли вполне нравственной позиция человека, сознательно следующего неправильному закону. Например, некий гражданин имеет соответствующую льготу на проезд в общественном транспорте. Спрашивается, должен ли он задумываться о том, имеется или нет механизм компенсации этой льготы. Убежден, чтобы быть абсолютно нравственным человеком (в смысле кантовского категорического императива), задумываться надо. Более того, нравственный человек не должен пользоваться льготой, не обеспеченной законом и следовательно приносящей вред другим людям. А вот, если вы пользуетесь подобной льготой, вы хоть и можете оставаться нравственным, но все же, как бы не вполне. В любом случае, такие люди должны понимать, что они невольно способствуют дестабилизации социально-экономической системы общества. Кроме того, давно известно, что категория нравственного абсолютна, то есть нельзя быть нравственным не вполне, чуть-чуть. Делая хоть малейший шаг от нравственной позиции, Вы поневоле становитесь безнравственным. Здесь закон сохранения энергии только подтверждает мысли, изначально сформулированные еще Сократом, а потом развитые Платоном, Фомой Аквинским и Кантом.

Иногда появляются возражения, что, дескать, закон сохранения энергии не выполняется в сфере человеческих отношений. Узость человеческого мышления зачастую дает нам примеры полного непонимания того, как закон сохранения энергии приводит к всеобщей взаимосвязи, и в сфере человеческих отношений в том числе. Например, для нас очевидно, что невозможно кому-либо в чем-либо помочь, ничего при этом не потеряв (времени, средств, престижа и т.д.). Если вы действительно хотите сделать кому-то добро, готовьтесь понести при этом адекватные потери. И, наоборот, если не ощущаете никаких потерь, значит, вы на самом деле не сделали никому добра. Совершенно глупо выглядят люди, считающие, что они творят окружающим добро, при этом ничего не теряя. Никакого добра в этом случае, как правило, нет, лишь иллюзия. Если же добро все-таки есть, то мы имеем дело с наиболее отвратительной, с этической точки зрения, ситуацией: добро творится за чужой счет, а приписывается себе.

Если посмотреть на все происходящее вокруг нас, то можно сплошь и рядом увидеть безнравственные поступки, имеющие очевидный смысл нарушения закона сохранения энергии. Причем совершают эти поступки

повсеместно люди, убежденные в своей нравственности. Например, думает ли о нравственности человек, бросивший бумажку или окурок прямо на тротуар? Помнит ли он обо всех связях, которые в конечном итоге принесут вред всем, в том числе и ему самому? Ведь для того, чтобы убрать брошенную бумажку, нужен дворник, которому надо платить зарплату. А эта зарплата берется из наших налогов. Следовательно, человек, бросив бумажку, заставил нас всех расплатиться за свой безнравственный поступок вполне материально. Таким образом, был не так уж и далек от истины известный классик, когда сказал, что все, происходящее в России, можно охарактеризовать всего одним словом «воруют».

Продолжим с примерами. Мы все потребляем электроэнергию, однако тариф за нее примерно в три-четыре раза ниже реальной себестоимости. Спрашивается, что, здесь нарушается закон сохранения энергии? Ничего подобного. Заплатив непосредственно по счетам, которые нам предъявляет энергосбыт, мы потом сполна доплачиваем опосредованно через налоги, повышенную стоимость товаров и услуг, а также другими путями. Если общество оказывается все же не в состоянии обеспечить выполнение закона сохранения в этой сфере, мы расплачиваемся отсутствием тепла и света в наших домах. Заниженный тариф на электроэнергию задает плохую экологическую ситуацию, расточительное расходование природных ресурсов и низкий уровень нашей жизни (как бы это не показалось парадоксальным на первый взгляд). Порождает он и безнравственность. Так, многие руководители российских предприятий не считают необходимым заниматься энергосбережением лишь потому, что в нынешних условиях им вполне хватает средств на оплату счетов за электроэнергию. Но при этом они почему-то забывают, что счета неоправданно занижены в три-четыре раза, а средняя энергоемкость российской продукции в 3 – 7 раз хуже, чем в развитых странах. Таким образом, эти руководители большую часть издержек производства возлагают на общество, которое расплачивается за их безнравственность и бесхозяйственность. А способствует этому неправильный тариф, а также отсутствие государственного или общественного контроля (другими словами, попытка нарушить закон сохранения энергии).

Итак, мы подошли к формулированию второго фундаментального принципа, который должен быть положен в основу российской национальной идеи. Заключается он в глубоком осознании места и роли каждого из нас в обществе, осмыслении тех связей, которые объединяют людей в социальную систему, принятии приоритета нравственных основ человеческого поведения над всеми другими.

Учитывая сказанное, можно прийти к выводу, что нравственная позиция требует от человека духовных усилий и, что важно, материальных затрат. Оказывается, в жизни за все надо платить, даже за то, чтобы быть нравственным. Сама по себе эта мысль не нова. Однако мы ее дополняем пониманием того, что нравственная позиция не просто хороша, но и, как

оказывается, наиболее эффективна экономически. Она обеспечивает оптимальную структуру человеческих отношений. Лишь нравственный поступок человека возвращается к нему пользой, безнравственный же – неотвратимым злом, расплзающимся как плесень по обществу. Зло обладает способностью приумножаться и может в определенный момент привести к полному распаду межчеловеческих связей и социальному взрыву.

Завершая рассуждения, мы должны заключить, что национальная российская идея должна основываться на базовых принципах, выражающих два фундаментальных осознания: во-первых, места и роли нас самих в общественной социально-экономической системе и, во-вторых, места и роли нашей страны в общепланетарной системе, называемой человечеством. Эти осознания должны дать нам понимание нравственных основ самосознания, базирующихся на общечеловеческих ценностях и элементарной целесообразности совместного бытия людей. Что же касается экономического подъема, то, как видно, чудес ждать не приходится. В эпоху, когда глобализация стала очевидной, рост нашего благосостояния немислим в отрыве от общемирового экономического прогресса.

Итак, почему нравственность и в чем здесь предполагается усматривать техноценологический контекст? Существует три фундаментальных философских категории, имеющих отношение к нормированию поведения разума – это этика (философское учение о нравственности), нравственность (совокупность норм, определяющих поведение) и мораль (основной способ нравственной нормативной регуляции). Очевидно, что именно категория нравственности занимает в этой взаимосвязанной триаде центральное место. Теперь о техноценологическом контексте. Во-первых, на наш взгляд, понятию нравственности необходимо придать фундаментальный смысл и рассмотреть данную категорию на фоне онтологического ряда реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая». Во-вторых, следует, решительно отказавшись от антропоцентризма, существенно расширить толкование понятия техноэтики и придать ему гораздо более широкое, метаэтическое, звучание. Наконец, в-третьих, надо посмотреть, в решении каких задач, имеющих нравственное значение, может быть применена техноценологическая методология.

Мы рассматриваем техноэтику как систему норм нравственного поведения биологического разума в отношении технической реальности, соответствующее вектору эволюции окружающего мира в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая». При этом нормативное содержание техноэтики формируется из императивов гомоэтики, экоэтики, а также гиперэтики и в конечном итоге сводится к следующему императиву: поступай согласно максимам, которые в то же время могут иметь предметом самих себя в качестве всеобщих законов, соответствующих вектору эволюции окружающего мира в ряду реальностей «неживая – биологическая – техническая – гипертехническая».